ПОЛИТОЛОГИЯ

Р.К. КАДЫРЖАНОВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ МИРЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В данной статье рассматривается трансформация социальной структуры и стратификации Казахстана сквозь призму социально-экономических реформ в посткоммунистическом мире, вызвавших указанного вида трансформацию во всех бывших социалистических странах. Очевидно, что такое исследование предполагает сравнительный анализ Казахстана с посткоммунистическими странами в отношении трансформации социальной структуры и стратификации общества в процессе реформ транзитного периода от общества с тоталитарной политической системой и централизованной плановой экономикой к демократической системе с рыночной экономикой. Общность стартовых позиций посткоммунистических стран предопределяет, в свою очередь, общность трансформации социальной структуры общества, что является результатом преобразований социально-экономической и политической системы новых независимых государств, которые в целом можно определить как посткоммунистическую модернизацию. Эксперты выделяют общность модернизационных процессов Казахстана, России и других посткоммунистических стран, что позволяет с высокой степенью достоверности проводить компаративный анализ трансформации социальной структуры этих стран.

Переход к рыночной экономике вызвал неравенство и социальную стратификацию прежде эгалитарных обществ. Высокая экономическая и социальная цена реформ, радикальные изменения в распределении активов и собственности, возрастающая разница в доходах, ухудшение социальных программ государства привели к радикальной переориентации позиций и социальных статусов многих социальных и профессиональных групп. Одним из важнейших результатов социально-экономических преобразований стала возрастающая социальная дистанция между теми, кто выиграл от реформ, и теми, кто от них проиграл. Статистика,охватывающая 18 стран бывшего коммунистическиго блока, указывает, что если вновь обогатившиеся элиты смогли сконцентрировать в своих руках значительную экономическую и политическую мощь, то число бедных в них выросло в 12 раз, от примерно 4 миллионов человек, или 4 процентов населения в 1989 г., до 168 миллионов человек, или приблизительно 45 процентов населения в 1995 г.

Переход к рыночной экономике привел к образованию различных социальных классов (в противоположность характерным для социализма статусным группам), которые определяются экономическими интересами, направленными на приобретение собственности, товаров и возможностей для извлечения дохода как главного детерминанта, по выражению Макса Вебера, жизненных шансов. Согласно Веберу, в современных обществах неравенства рыночного характера транслируются в неравономерное распределение жизненных шансов, производя таким образом главный источник социальной стратификации. Как показывает практика социально-экономической трансформации посткоммунистических обществ, в них существенно возросло значение дохода, типа занятости и владения собственностью как детерминантов социального статуса. В то же время резко снизилось или вообще сошло на нет значение предоставляемых социалистическим государством благ и гарантий из общественных фондов, осуществлявшихся на бесплатной основе или по сниженным ценам, а также привилегий для партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры. В новых социально-экономических условиях жизненные шансы наемных работников стали в значительной большей мере зависеть от уровня их образования, квалификации и профессионального опыта.

По мнению ряда экспертов, большинство посткоммунистических обществ, несмотря на ряд достижений в социально-экономической сфере, продолжают по своим важнейшим характеристикам оставаться в состоянии транзита, перехода к тому уровню, который достигнут странами Западной Европы. Транзитные общества являются смешанными системами, в которых рынок сосуществует с характерными для социализма редистрибутивными механизмами и отношениями, построенными на взаимности по принципу «Ты – мне, я – тебе». Важнейшие ресурсы, составлявшие при социализме социальный капитал (в первую очередь, социальный статус, основанный на принадлежности к партийно-государственной номенклатуре) и определявшие высокий социальный ранг их обладателя в социалистической иерархии, преобра-

зовались теперь в новый вид ресурсов – частную собственность, т.е. в экономический капитал, имеющий решающее значение для того, чтобы с их помощью занять высокий статус/классовую позицию во вновь образующейся социальной структуре. Социальные связи, как и при социализме, демонстрируют свою устойчивость и в значительной мере оказывают воздействие на социальную трансформацию общества, в первую очередь, на формирование новых элит.

Кровно-родственные и клановые связи имеют глубокие исторические корни в социальных структурах бывших советских республик (особенно в Центральной Азии и на Кавказе) и странах Юго-Восточной Европы. При этом указанные связи часто переплетаются с этническими связями. Поэтому этничность оказывает сильное воздействие на социальную стратификацию во многих странах Восточной Европы и СНГ, прежде всего на формирование новых элит, а также на причины и состав бедности в них. Большая роль этнического фактора в социальной стратификации посткоммунистических стран не должна вызывать удивление по той простой причине, что само возникновение этих стран или их трансформация из социалистических в капиталистические не в последнюю очередь связана с этническим, или титульным национализмом.

Политическая и экономическая либерализация, пришедшая на смену тоталитарному режиму, помогает устранению прежних жестких границ внутри социальной структуры общества. Появление многопартийных систем и свобода выбора форм деятельности, места работы и проживания, а также образа жизни значительно увеличили возможности социальной мобильности. Эти процессы существенно укрепились в результате открытия прежде закрытых социалистических обществ внешнему миру, способствуя интеграции местных экономик в мировую экономику. Поэтому можно говорить о заметном воздействии международных факторов на социальную стратификацию посткоммунистических обществ.

На верхнем полюсе стратификации новые элиты извлекают огромную прибыль из своей посреднической роли между внутренней и международной экономиками. Это позволяет им расширять свой образ жизни, не ограничивать его только рамками своей страны, но успешно вписываться в глобальную экономику, открывая заграничные счета, отправляя детей учиться в западные университеты и покупая за рубежом недвижимость. Такая интернационализация элиты способствует внутреннему социальному делению, поляризации общества.

На нижнем полюсе социальной иерархии так же наблюдается влияние интернационализации экономики в виде значительной миграции рабочей силы. Здесь наблюдается перемещение рабочей силы из более бедных в более благополучные страны посткоммунистического мира, а также на Запад. Так, крупным поставщиком рабочей силы стали центральноазиатские государства Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Например, в Таджикистане около половины мужского населения работает за пределами республики, в России и Казахстане. Сумма перечисляемых ими переводов для оставшихся дома семей составляет в среднем 2,5 миллиарда долларов США или половина валового внутреннего продукта (ВВП) Таджикистана. В Армении, по статистическим данным в 1998-2002 гг., в поисках работы покинули родину один миллион человек, а в период 2002-2007 гг. – около 150 тысяч человек.

Если говорить о Казахстане, то в 1990-е гг. республика сама была поставщиком рабочей силы для России, Германии и других стран. Речь, правда, идет о рабочей силе некоренной национальности – русских, немцах, украинцах и других. В 2000-е гг. Казахстан сам стал принимать рабочую силу из других стран, прежде всего, центральноазиатских. Это привело к появлению среди рабочего класса Казахстана различных этнических подгрупп. Такая же картина наблюдается в России и других экономически более развитых странах посткоммунистического мира. Особенность этой миграции состоит в том, что большая ее часть относится к незаконной, а потому она является одной из главных частей неформальной, теневой экономики этих стран.

Негативное воздействие на социальную стратификацию постсоветских и постсоциалистических стран в плане ее поляризации оказало общее ослабление государства, системы права и социального порядка. Снижение роли государства в Казахстане в 1990-е гг. нашло свое отражение в росте неформального сектора экономики, неспособности предоставлять населению базовые услуги (перебои в снабжении электричеством и природным газом, водоснабжении, отоплении и т.д.), обеспечении правопорядка и других регулятивных функций.

В 2000-е годы ситуация значительно улучшилась, в частности, в сфере обеспечения базовых потребностей, но государство по ряду аспектов остается слабым. В первую очередь, это касается положения с верховенством права и правоохранительными функциями государства. Это связано не

только с интересами определенных слоев населения, но и с общей неразвитостью гражданского общества, которое оказалось неспособным поставить заслон стремлению бюрократии использовать свое положение и полномочия для обогащения. Это привело к системной коррупции в Казахстане и других постсоветских государствах, в то время как слабая правовая и правоохранительная системы стали источником организованной преступности и мафиозных проявлений. Эти процессы оказали сильное воздействие на положение различных социальных классов и групп.

Как было сказано выше, транзитные посткоммунистические общества являются смешанными системами, в которых рыночные институты и отношения соседствуют с характерными для социализма редистрибутивными механизмами и практиками. Это определяет гибридную классовую структуру посткоммунистических обществ, формируемой как наследием прошлого политико-экономического порядка, так и требованиями и возможностями, предъявляемыми и предоставляемыми нарождающимся капитализмом. В этой гибридной структуре, однако, еще не сформировались достаточно четкие социальные границы между классами и статусными группами, поскольку отсутствует их внутреннее единство, а также более или менее ясное понимание общего интереса. Между социальными группами наблюдается высокая мобильность, тогда как нарождающиеся классы и страты отличаются высоким уровнем внутренней фрагментации, доходящей до точки поляризации.

Коллапс централизованной плановой экономики, макроэкономическая стабилизация и структурные реформы, направленные на формирование рыночной экономики, вызвали в 1990-е гг. резкое падение экономического производства и соответствующее ухудшение жизненных показателей основной массы населения. Во многих случаях трансформационное падение производства оказалось гораздо глубже и дольше по времени, а снижение государственных социальных программ намного болезненнее, чем ожидалось экспертами и политиками. Всеобщее снижение реальных доходов больших групп населения сказалось на их ухудшившемся социальном благополучии. В то же время зарождение мощных групп и группировок, поставивших под контроль рыночные механизмы, способствовали дальнейшему углублению неравного распределения доходов в посткоммунистических странах. Значительная социальная дифференциация в возможностях извлечения дохода в новых условиях оказала воздействие как на заработную плату, так и на другие источники доходов, происходящих из зарождающихся форм экономической активности: прибыли, арендные платы, проценты и дивиденды.

Начиная с 1990-х гг. и по сей день неравенство в доходах является главным фактором социальной стратификации в посткоммунистических государствах. К середине 1990-х гг. неравенство, измеренное на основе коэффициента неравномерности доходов Джини, возросло в среднем с 24 до 33. Это весьма значительный рост, свидетельствующий о возрастающей социальной поляризации посткоммунистических обществ, произошел в беспрецедентно короткий период менее десяти лет. Стремительный рост коэффициента Джини позволяет сделать вывод о радикальном характере транзита от эгалитарного социалистического общества к обществу с высоким уровнем социального неравенства, характерного для развитых стран с капиталистической экономикой. В случае постсоветких стран социальное неравенство имеет еще более резкий характер, присущий странам Латинской Америки.

Экономические реформы, направленные на формирование рыночной экономики в бывших социалистических странах, имели целый ряд общих шагов и мер, направленных на преодоление институтов централизованной плановой экономики. К этим шагам и мерам можно прежде всего отнести отказ от контроля над ценами, усилия по снижению галопирующей инфляции вследствие такого отказа на начальном этапе реформ, процесс приватизации и разгосударствления собственности, либерализация рынков труда, обмен местной валюты на иностранные валюты. Эти и другие шаги и меры власти в бывших социалистических странах были направлены на экономический рост, расширение занятости и возможностей для получения доходов и моделей их распределения. Они имели приоритетный характер для правительств, осуществлявших указанные реформы.

Что касается социальных реформ – поддержка безработных, пенсии для пожилых, программы по ограничению бедности – то они не получили такого же внимания от власти, как экономические реформы. В силу финансовых и других ограничивающих деятельность правительств проблем, социальная политика бывших социалистических стран оказалась слабой. Из-за этого она не смогла достичь цели выравнивания доходов и уровня жизни различных слоев общества. Наоборот, воздействие социальной политики властей этих стран в этом отношении оказалось очень пассивным, ее попытки сдержать быстрый рост социального неравенства по существу провалились.

Приватизация, направленная на перераспределение собственности, вела одновременно к перераспределению источников дохода, а также причин и условий изменения социального статуса. Число частных собственников резко возросло в результате «малой приватизации», расширения теневой и неформальной экономики и устранения барьеров для вхождения в рынок. Хотя измерение общих доходов от появления частной собственности представляет затруднения, однако некоторые наблюдения помогают придти к заключению, что доля доходов от прибыли, самозанятости и других источников неуклонно возрастала, особенно в тех странах, где резко упали доходы от зарплаты и государственных выплат. Так, в России в 1990-1996 гг. доля доходов от предпринимательства и частной собственности в общей массе доходов в денежной форме выросла с 11,2 до 45,5 процента. Можно отсюда заключить, что этот рост повлек за собой рост в общем социальном неравенстве.

Общей тенденцией социально-экономического реформирования стран, входивших в социалистический блок, можно считать резкий рост концентрации в частных руках крупной собственности и более плавный рост собственности, связанной с доходами от самозанятости. Сдвиг в сторону концентрации собственности более ощутим в постсоветских странах, где регулирующая роль государства (для обеспечения, например, рыночной конкуренции) менее развита. Поэтому, несмотря на относительно скромный рост доля доходов от собственности и самозанятости, их вклад в общий рост неравенства в этих странах представляется существенным ввиду роста неравномерности в распределении доходов.

Процесс социально-экономического реформирования оказал большое воздействие на рынок труда во всех посткоммунистических странах. Самое заметное изменение связано с усилившейся дифференциацией в оплате труда и появлением открытой и скрытой безработицы. Дифференциация зарплат на основании квалификации труда, сектора экономики и занимаемой должности представляется главным источником неравенства. Во многих случаях рост дифференциации зарплат в различных отраслях экономики объясняется монополистическим положением стратегических секторов (нефтегазового, горнодобывающего), способных извлекать доход и прибыль благодаря своему влиянию во властных структурах. Большая производительность труда, вытекающая из отказа от контроля над ценами и реструктуризации экономики, как показывают наблюдения, оказывает меньшее воздействие на разницу в оплате труда.

Социальная стратификация внутри рабочего класса объясняется сегментацией рынков труда по типу рабочей квалификации и сектора занятости. Меньшая часть наиболее конкурентоспособных рабочих получает заметное преимущество в оплате труде и гарантиях занятости. Это может быть частично объяснено узким предложением на рынке труда рабочих высокой квалификации, необходимых для выполнения работ, требующих «новых навыков и умений», что ведет к сверхвознаграждениям в оплате труда привилегированного сектора рабочей силы. Лучшее положение и стабильность на рынке труда может обеспечиваться не в последнюю очередь и личными связями. Причем это в большей мере характерно для частного сектора, чем для государственного сектора экономики.

Рост безработицы непосредственно связан с потерей дохода и социального статуса той части населения, которая не может компенсировать эти потери пособиями по безработице и другими социальными выплатами. Более того, скрытая и подавленная форма безработицы в виде укороченной рабочей недели или неполного рабочего дня, неоплачиваемых отпусков и выходных пособий, растущие задолженности по зарплате, что особенно характерно для постсоветских стран, в еще большей мере способствует росту социального неравенства. Такие скрытые формы безработицы в еще большей мере перераспределяют социальные потери от более сильных (более конкурентоспособных) к более слабым (менее конкурентоспособным) рабочим и ведут, таким образом, к еще большей сегментации рабочего класса.

Для ситуации 1990-х гг. в постсоветских странах в условиях резкого сокращения доходов от зарплаты, возрастающих угроз потери работы и других проблем стала заметной тенденция обращения людей к теневому сектору экономики. Возрастающая часть трудового населения, потерявшая работу в официальной экономике, оказалась по существу вне границ законных норм для занятости и получения предоставляемых государством социальных выплат, что выталкивало людей в неформальный сектор экономики. Формирование подобной двойственной экономики, имеющей потенциал эволюции в сторону экономики третьего мира, создает серьезное препятствие для развития социально интегрированного общества в бывших социалистических странах.

Если посмотреть на стратегии социально-экономических реформ в посткоммунистическом мире, то можно заметить серьезные различия между странами Центральной и Восточной Европы (Польша, Венгрия, Словакия, Чехия и Словения), с одной стороны, и странами Юго-Восточной Европы (Болгария, Румыния, бывшие югославские республики, кроме Хорватии и Словении) и постсоветскими странами – с другой. Вообще говоря, социальная ситуация в Центральной и Восточной Европе была намного лучше, чем в остальной части бывшего социалистического лагеря перед началом реформ.

Рыночные реформы в бывших советских республиках (кроме прибалтийских республик) оказались более тяжелыми в социально-экономическом плане в силу того, что их экономики в гораздо большей степени несли на себе печать плановой экономики, чем в других бывших социалистических странах. Особенно трудным оказалось положение предприятий тяжелой промышленности, которым трудно вписаться в рыночные условия. В Казахстане в 1990-е гг. закрылись многие угольные шахты, машиностроительные заводы, обувные и текстильные фабрики с их устаревшим оборудованием и, соответственно, неконкурентоспособной продукцией, выпускавшейся на этом оборудовании. Социалистическая экономика с ее мощной идеологической составляющей могла допускать существование неэффективных заводов и фабрик, работавших на склад. Но в рыночной экономике работа на склад невозможна, поэтому многие заводы и фабрики в бывших советских республиках оказались в новых условиях банкротами, а их сотрудники стали безработными.

В начале реформ все посткоммунистические страны столкнулись с высоким уровнем инфляции и другими финансовыми проблемами. Однако страны Восточной и Центральной Европы сумели достаточно быстро и успешно провести у себя фискальные и монетарные реформы, что привело к стабилизации и выздоровлению экономической ситуации. Напротив, Россия и другие бывшие советские республики менее успешно проводили подобные реформы, что оборачивалось провалом макроэкономической стабилизации и главных структурных реформ. В Казахстане в первой половине 1990-х гг. отмечался исключительно высокий уровень инфляции, а в 1994 г. он превысил 2000% в годовом исчислении. Социальная цена потери экономической стабилизации, затянувшейся инфляции и рецессии была очень высокой. Экономические трудности большой части населения и чрезвачайно высокое социальное неравенство усугублялись низким сбором налогов, всепроникающей коррупцией и стремлением государственного аппарата, чиновничества к наживе.

Сопоставляя главные причины формирования различных моделей неравенства и социальной мобильности в постсоветских странах и странах Центральной и Восточной Европы, можно отметить следующее:

Во-первых, неравенство оказалось более резким в постсоветских странах в силу того, что значительно более острым был экономический спад в этих странах в сравнении со странами ЦВЕ. В постсоветских странах падение доли зарплаты в общей доле доходов населения происходило в соединении с огромными задолженностями в выплате зарплат.

Во-вторых, рост неравенства в оплате труда в постсоветских странах оказался намного выше, чем в странах ЦВЕ. Кроме того, неблагоприятные политические факторы (отказ правительств России и других постсоветских стран от регулирования реальной минимальной заработной платы; диспропорциональное сокращение социальных выплат; неспособность власти сдерживать рост зарплат в монополистических секторах экономики) оказали огромное воздействие на неравенство доходов и падение статуса ряда профессиональных групп в бывших советских республиках.

В-третьих, социальные выплаты в бывших советских республиках были традиционно ниже, к тому же они снизились в условиях реформ еще больше. К этому следует добавить и то, что целевая направленность этих выплат, их адресный характер, оказалась менее эффективной. Резкое снижение благосостояния основной массы населения была связана с ослаблением способности государства выполнять свои социальные обязательства. В странах ЦВЕ не было столь драматичного падения уровня социальных выплат, что помогло сдержать рост неравенства в течение достаточно короткого времени. В этих странах пособия многодетным семьям и матерям-одиночкам, пособия по безработице и другие формы социальной поддержки оказались более эффективными в аспекте своего адресного характера. В то же время пенсионная реформа не была столь эффективной, что сказалось на росте неравенства в странах ЦВЕ.

В-четвертых, в некоторых странах ЦВЕ рост неравенства связан с тактикой проведения приватизации государственной собственности и расширением неформального сектора экономики.

Поэтому неудивительно, что коэффициент Джини социального неравенства в странах ЦВЕ (за исключением Польши, где уровень неравенства выше, чем в других странах этого региона) оказал-

ся близок к показателю этого коэффициента в таких развитых странах, как Канада и Великобритания. В то же время коэффициент Джини в странах Северной Европы ниже, то есть социальное неравенство в них меньше, чем в странах ЦВЕ. На сегодняшний день скандинавские страны являются странами с наименьшим уровнем социального неравенства в мире.

Социальные структуры стран ЦВЕ не подверглись столь сильной поляризации, как другие посткоммунистические страны. Хотя понижение социального статуса для ряда групп и слоев населения имело место, однако разрыв между элитой и остальной частью общества не является большим. В то же время доля той части населения, которая понесла наиболее существенные потери в результате реформ, намного меньше, чем в бывших советских республиках или странах Юго-Восточной Европы. В странах ЦВЕ достигнут реальный прогресс в формировании среднего и малого и среднего предпринимательства. Значительная часть специалистов и интеллигенции, особенно молодое поколение, сумели адаптироваться к условиям рыночной экономики и добиться успеха в ней.

В то же время в постсоветских странах и в Юго-Восточной Европе коэффициент Джини в 1990-е гг. вырос на 10 процентных пунктов, то есть в 2 – 2,5 раза больше, чем в ЦВЕ. Неравенство доходов в этих странах существенно выше, чем в индустриальных странах Запада. Тенденция развития неравенства в постсоветских странах и в ЮВЕ достаточно прямо указывает на движение в сторону Латинской Америки и других стран третьего мира с высоким уровнем социального неравенства. Но даже эти данные дают только часть представления о тектонических сдвигах в сфере распределения доходов на постсоветском пространстве и в ЮВЕ. Имея в виду широко распространненую практику сокрытия реальных доходов как в формальном, так и неформальном секторах экономики, можно не боясь ошибиться заключить, что разрыв в доходах в последние двадцать лет вырос еще больше. В странах этого региона тонкая прослойка «новых богатых» («новых русских», «новых казахов») контролирует сегодня огромную часть всей массы доходов в обществе. Так, в России разрыв в доходах между 10 процентами самой богатой части общества и 10 процентами его самой бедной части вырос с 4 в начале реформ до 13,3 раза в апреле 1998 г. Самые богатые получают 33 процента от всех доходов, тогда как самые бедные только 2,4 процента.

В заключении данной статьи автор хотел бы указать, что конфигурация социальной структуры и стратификации, и связанный с ней уровень социального неравенства посткоммунистического общества, как показала практика социально-экономических реформ в этих странах на протяжении двадцати лет, в значительной мере определяется исторической траекторией развития той или иной страны и последовательностью реформирования экономической и политической системы общества в направлении демократии и рыночной экономики. Страны Центральной и Восточной Европы исторически и цивилизационно оказались более подготовленными к реформам и трансформации своих обществ, поэтому стратификация и социальное неравенство в них оказались на уровне развитых стран, что создало условия для стабильного социально-экономического и политического развития посткоммунистических стран этого региона. Что касается бывших советских стран, то исторически и цивилизационно они оказались менее подготовленными к реформам, позиции советской номенклатуры оказались в них крепки. В результате реформы в этих странах прошли менее последовательно, социальная структура соединяет в себе как новые, так и старые элементы, а уровень социального неравенства остается очень высоким, что приближает постсоветские страны к странам третьего мира.

Резюме

Қадыржанов Р.Қ. Посткоммунистік әлемдегі әлеуметтік теңсіздік және экономикалық трансформация: салыстырмалы талдау.

Мақалада Орталық және Шығыс Еуропа елдері мен Қазақстандағы экономикалық өзгерулер мен әлеуметтік теңсіздіктер салыстырмалы талдаудан өткізіледі. Бұрынғы еуропалық социалистік елдердегі реформалардың тереңдігі мен кезеңделуі Қазақстандағы және басқа посткеңестік елдерге қарағанда әлеуметтік теңсіздікке алып келгендігі дәлелденді.

Summary

Kadyrzhanov R. Economic reforms and social inequality in the post-communist world: a comparative analysis.

In the article, a comparative analysis of the social inequality in two parts of the post-communist world: post-soviet states and Central and Eastern Europe, proves that the level of social inequality in the CEE states is much lower than in the post-soviet states because reforms in the former were much deeper and consistent than in the latter.